

Григорьева Анна Александровна

ПРОБЛЕМА ПАНСЛАВИЗМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2012/4/17.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по данному вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (59). С. 69-71. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2012/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 930.2+303.442.4

Исторические науки и археология*Анна Александровна Григорьева**Восточно-Сибирская государственная академия образования***ПРОБЛЕМА ПАНСЛАВИЗМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[©]**

После революции 1917 года в России наступил период методологической трансформации, когда доминанта позитивизма окончательно сменилась марксизмом, ставшим единственно возможной теоретической основой исторических исследований. Политический курс на построение социализма «в отдельно взятой стране», на «мировую революцию» и теорию «пролетарского интернационализма» закономерно обрекал панславизм и посвященную ему историографию на умирание. Этим и объясняется крайне малое число публикаций по обозначенной проблеме.

Статья М. И. Покровского «Панславизм на службе империализма» (1927 г.) не являлась чисто исследовательской. Она преследовала цель разоблачить царизм в его стремлении разобщить народы не только по сословно-классовому, но и по национальному признаку. Советский историк отказал П. Н. Милюкову в профессионализме лишь на том основании, что он принимал участие в панславистском движении [16]. Определенный интерес к панславизму обозначился и в диссертации А. А. Михайлова (1939 год). Соискатель ученой степени кандидата исторических наук провел четкую границу между славянофильством и панславизмом, обозначил «корни» идеологии панславизма, существенно ограничив при этом роль православия в панславянской теории и практике [10].

Изменение международно-политической ситуации, нарастание опасности на восточной границе СССР закономерно возрождало идею славянского единства, побуждало к отказу от лозунговых стереотипов. Концептуальной новацией стало признание И. В. Сталиным имперского типа советской государственности и ее некоторой преемственности по отношению к царской России. И. В. Сталин резко выступил против Ф. Энгельса, в рассуждениях которого содержались как откровенно националистические взгляды относительно славян, так и крайне негативные высказывания по поводу внешнеполитического курса Российской империи: «Характеризуя завоевательную политику русского царизма и воздавая должное мерзостям этой политики, Энгельс объясняет ее не столько “потребностью” военно-феодально-купеческой верхушки России в выходах к морям, морских портах, в расширении внешней торговли и овладении стратегическими пунктами, сколько тем, что во главе внешней политики России стояла якобы всемогущая и очень талантливая шайка иностранных авантюристов, которой везло почему-то везде и во всем, которой удивительным образом удавалось преодолевать все и всякие препятствия на пути к своей авантюристической цели, которая удивительно ловко надувала всех европейских правителей и добилась, наконец, того, что сделала Россию самым могучим в военном отношении государством» [18, с. 3]. Показательно, что после публикации сталинской статьи число исследований по истории панславизма существенно увеличилось.

Практическим воплощением интереса к «славянской идее» в 40-е годы XX века стала деятельность Всеславянского комитета и организация Всеславянских съездов накануне и после начала Второй мировой войны. На Всеславянском митинге в Москве, состоявшемся в августе 1941 г., известный русский писатель А. Н. Толстой в своей речи заявил: «Мы решительно и твердо отвергаем самую идею панславизма, как насквозь реакционного течения, глубоко враждебного равенству народов и высоким задачам национального развития государств и народов. Наша задача - объединенными усилиями уничтожить немецкий фашистский гнет, каких бы жертв это нам не стоило» [4, с. 9]. Таким образом, провозглашая необходимость общеславянского единства в целях противостояния германо-романскому натиску, участники митинга обратились, собственно, к классическим принципам панславизма.

В этом же году был учрежден общественно-политический журнал «Славяне», ориентированный на пропаганду единения славян в борьбе против фашизма. В нем содержались статьи об «извечной борьбе славян против немецких варваров», славянских съездах в США и Чехии, активности славянских эмигрантов-антифашистов в других странах Запада, Всеславянском митинге советских граждан в Москве. В послевоенный период в нем была опубликована, в частности, статья Э. Бенеша с весьма характерным названием «Единство славянских народов - фундамент мира в Европе». Это означало возрождение в СССР историографических традиций по изучению панславизма [1, с. 26].

Новые черты историография панславизма приобрели в послевоенный период, когда сложилось славянское пространство (Россия, Украина, Белоруссия, Чехословакия, Югославия, Болгария). Русский язык фактически получил статус международного языка, о чем мечтали российские панслависты в XIX в. В то же время историографическая панславистская традиция, сильная в годы войны, начинала постепенно ослабевать, в связи с идеологией построения «лагеря социализма». Советские историки по инерции продолжали развивать тему славянского единства, как основы победы над германским фашизмом и гарант «мира», в его социалистическом понимании (статьи Ф. Константинова, И. Бороздина, А. Гундорова) [2; 5].

XX съезд КПСС и наступление «хрущевской оттепели» еще раз видоизменили марксистское историографическое осмысление феномена панславизма. В труде известного советского историка П. А. Зайончковского (1959 г.) тематика панславизма была представлена довольно оригинальным образом. Автор подробно и на широкой источниковой базе изложил идеологию панславизма, но при этом отказался от использования термина «панславизм». Очевидно, поэтому и Н. И. Костомаров, как теоретик украинского панславизма, не привлек внимания автора монографии, вопреки тематике книги [8].

В 1960-е гг. в Чехословацкой Советской Социалистической Республике (ЧССР) проходили международные конференции славяноведов. Показательно, что принимавшие в них участие исследователи, предпочитали в своих выступлениях также игнорировать термины «идея славянской взаимности» и «панславизм», заменяя их словом «slovanství», под которым понималась вся совокупность исторически изменяющихся представлений о славянской общности: идеология, политические акции, общественные движения, ориентированные на различные формы как национально-регионального, так и общеславянского объединения. С этого времени в марксистской историографии кардинально изменилось отношение к панславизму. Отныне «было принято позитивно обозначать идею славянской взаимности и подчеркивать реакционный характер панславизма» [17, с. 14].

Впервые тема панславизма получила самостоятельное научное значение в монографиях С. А. Никитина «Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг. XIX в.» и «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в.» [13; 14]. Автор привлек и проанализировал новые исторические источники (архивы, публицистика), дал подробную картину деятельности славянских комитетов и Всеславянских съездов 1867-1869 гг., обратился к общественно-политической реакции на идеологию панславизма в России. Объективные причины не позволили С. А. Никитину оценить политическую деятельность Всеславянских съездов. Так, он рассматривал съезд 1867 г. только как выдающееся культурное событие. Вне авторской концепции оказалась и деятельность Русской Православной Церкви, которая, как известно, неразрывно связана с панславизмом. Остались нераскрыты взаимосвязи панславянского движения с правящими кругами и внешней политикой России.

Новизна научных подходов проявилась в статье В. К. Волкова «К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм». Наряду с выявлением причин возникновения панславизма и его «классовой природы», автор осторожно обратился к его типологической общности с пангерманизмом, установил идейное сходство, преемственность развития от панславизма к неославизму, а также подробно проанализировал европейскую историографию по данной проблеме. Это позволило увидеть новые ракурсы в понимании сущности и направленности процессов становления и развития панславизма. Вполне объяснимая политическими причинами эмоциональность позитивной (прогрессивной) оценки панславизма и негативной (реакционной) - пангерманизма не дала возможности В. К. Волкову обозначить объективность процессов становления национальной государственности вначале на Западе, а затем в славянских регионах Европы. Словацкий панславист Я. Коллар, получивший в западной историографии репутацию «националиста», был реабилитирован советским историком. Автор подробно рассмотрел роль и место Германии и Австро-Венгрии, с точки зрения их идейного и политического влияния на государственность и идеологию славянства [3].

Эта тема нашла отражение и в коллективной монографии советских историков ««Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871-1918 гг.», обратившихся к изучению теории неославизма и его роли в формировании русско-польских отношений. Советские историки рассмотрели внешнеполитический поиск поляков с позиций альтернативы Германия-Россия, обозначили причины «русского выбора»: общая этничность и мощь немецкого «натиска на восток». Тем самым, обозначился политический и концептуальный дуализм - «германский империализм» и неославизм, с одной стороны, «польский вопрос» в европейской политике и неославизм, с другой [6].

Логическим и историографическим продолжением, углублением интереса к славянской теме стали монография «Иллиризм» и статьи об идеологии славянства И. И. Лещиловской. Впервые тема иллиризма стала объектом специального исторического исследования, хотя автор не относил эту идеологию к панславизму. Однако использованные источники и авторские выводы прямо указывали на типологическую общность иллиризма и панславизма [9]. Обязательный, «базисный» компонент советской историографии об экономическом и социально-экономическом факторах выглядел несколько оторванным от темы книги, вынесенной в ее название. К сожалению, И. И. Лещиловская не дала развернутой панорамы становления и развития иллиризма как идеологии, наличия в нем разнородных течений и характеристик их конкретных представителей. Приоритетное внимание автор уделила иллиризму как политическому движению в Хорватии. В то же время современный историк, свободный от методологических ограничений, может увидеть в четко выстроенной хронологии исторических событий ценный материал для характеристики иллиризма как идеологии.

Историографическую и научную важность имеют исследования З. С. Ненашевой, изданные, как в советский, так и постсоветский период [11; 12]. Хотя в названии ее монографии можно видеть только Чехию и Словакию, при изучении теории неославизма автор обратилась и к российскому региону. З. С. Ненашева придерживалась традиционной точки зрения на проблему соотношения «панславизма» и «неославизма», т.е. разделяла их концептуально и отказывала им в типологической общности. Исследователь исходила из наличия принципиальных изменений в идеологии славянства в начале XX в., по отношению к своим теоретическим предшественникам. Однако ее аргументы не были достаточно убедительными. Во-первых, за принципиально новый З. С. Ненашева выдала панславистский лозунг «Свобода, равенство, братство!», хотя он звучал еще на Пражском съезде в 1848 г. и был признан основополагающим условием объединения славян. Во-вторых, автор, признавая политическое содержание идеологии неославизма, тем не менее, переместила акценты на экономику и культуру, что вряд ли правомерно. В-третьих, констатация факта внешнеполитической

переориентации славянских теоретиков, например, младочехов на Россию не являлась стратегией, но отражала исключительно тактический ход. Он был вызван опасностью «растворения» славянства среди количественно доминирующих этносов Австро-Венгрии, ставшей уже униженной национальной ролью «младшего брата» и с нарастанием германской экспансии. Поэтому переориентация западных и южных славян на Россию и царизм являлась выбором наименьшего из «двух зол» и потому не может рассматриваться как показатель трансформации идеологии панславизма, тем более что подобная практика имела место и ранее. В исследованиях З. С. Ненашевой не нашли отражения проблемы, связанные с углубленным изучением теорий панславизма на юго-востоке Европы, не были использованы возможности компаративного анализа теорий панславизма в XIX - начале XX в. Стремление автора следовать методологии марксизма определило подробность социально-экономических сюжетов («базис»), слабо связанных с панславизмом («надстройка»).

К середине 1980-х годов в отечественной историографии стала ощущаться методологическая лакуна, и выявились приоритеты европоцентризма, связанного с преобладающим вниманием к истории Западной Европы. Сохранявшаяся общность славянского социалистического пространства позволила поставить актуальные проблемы в журнале «Коммунист». Речь идет о статье В. П. Пашуто, который актуализировал вопрос о значимости исследовательских приоритетов и важности изучения славянской истории. Автор призвал к углубленному изучению идеологии славянофильства в России, панславизма и неославизма в странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Авторская позиция заключалась в том, что «без понимания их исторической природы легко утратить критерии и впасть в их апологию, либо сделать вид, что этих важных тем в науке не существует». Вне зависимости от целей В. П. Пашуто и редакции журнала «Коммунист» статья стала знаменем наступавших политических и методологических перемен в СССР [15]. Историк В. А. Дьяков, работавший в панорамно-обзорном стиле, обратился к анализу западноевропейской историографии и предостерег как от политической идеализации панславизма, так и от его оценки как реакционной идеологии. Автор считал, что панславизм - явление концептуально сложное, политически неоднозначное и не совпадающее по содержанию в разное историческое время. В. А. Дьяков, в частности, писал: «На деле какое-то время после своего возникновения идея славянской взаимности имела, главным образом, этнонациональное содержание. Со временем, она постепенно стала превращаться в орудие борьбы между различными социальными и политическими группировками. Каждая из них интерпретировала «славянскую идею» по-своему. Прогрессивные силы использовали идею славянской взаимности в попытках социальных преобразований и в борьбе за национальную независимость, тогда как реакционеры применяли ее для обоснования концепции прямо противоположного характера». Концептуально новой стала и оценка «Общества соединенных славян» с позиций панславизма (хотя термин «панславизм» В. А. Дьяков не использовал) [7].

Таким образом, в советский период представители интеллектуальной и общественно-политической элиты либо вообще избегали употребления понятия «панславизм», либо уделяли пристальное внимание только тем концепциям славянской интеграции, которые «вписывались» в рамки государственной идеологии, либо характеризовали идеи славянской солидарности как «реакционные» («самодержавные»). Однако методологическая доминанта марксизма-ленинизма, сохранявшая значение до 1985 г., не исключала резких историографических «поворотов» с последующим переходом к инерционности и устойчивым стереотипам в осмыслении теории, культурной и политической практики панславизма. После 1985 г. в отечественную историографию постепенно стали проникать некогда «чуждые» концептуально-теоретические подходы. Новые перспективы для изучения панславизма открыла цивилизационная теория истории с присущим ей приоритетным интересом к идеологии как основе исторического развития народов, обществ и государств.

Список литературы

1. Бенеш Э. Единство славянских народов - фундамент мира в Европе // Славяне. 1946. № 5. С. 26.
2. Бороздин И. Москва и славянство // Славяне. 1947. № 8. С. 54-57.
3. Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.
4. Всеславянский митинг в Москве: выступления представителей славянских народов на всеславянском митинге, состоявшемся 10-11 августа 1941 г. М., 1941. С. 9.
5. Гундоров А. Третий всеславянский конгресс в Америке // Славяне. 1946. № 10. С. 6-12.
6. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871-1918 гг. / отв. ред. В. К. Волков. М.: Наука, 1977. 320 с.
7. Дьяков В. А. Идея славянского единства в пореформенной России // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 16-32.
8. Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество. М.: Наука, 1959.
9. Лещиловская И. И. Иллиризм. М., 1968. 310 с.
10. Михайлов А. А. Очерки по истории славянофильства 40-50-х годов (панславистские тенденции в раннем славянофильстве): тезисы к диссертации на соискание ученой степени к.и.н. Л., 1939.
11. Ненашева З. С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. 239 с.
12. Ненашева З. С. Под лозунгом равенства: рассвет и увядание неославизма // Родина. 2001. № 1-2. С. 131-133.
13. Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX века. М.: Наука, 1970.
14. Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960.
15. Пашуто В. П. Научный историзм и сотрудничество муз // Коммунист. 1984. № 5. С. 82-92.
16. Покровский М. И. Панславизм на службе империализма // Правда. 1927. 26 июня.
17. Рокина Г. В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань, 2005.
18. Сталин И. В. О статье Энгельса «О внешней политике русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 3.